

С. КАРАЛЮНАС

К ВОПРОСУ ОБ И.-Е. *s ПОСЛЕ *i, u* В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ

Балтийские, славянские и индо-иранские языки объединяет одно общее фонетическое явление: и.-е. *s в позиции после *k, r* превратился в *š* (слав. *ch*). В славянских и индо-иранских языках имело место превращение и.-е. *s также в позиции после *i, u*.

Вместо согласного *s* других индоевропейских языков в литовском в позиции после *i, u* находится в одних случаях *s*, а в других — *š* (в примерах типа *maišas*).

По поводу судьбы и.-е. *s после *i, u* в литовском существуют три концепции.

Я. Эндзелин¹, К. Буга², И. Шефтеловиц³, Э. Френкель⁴, Е. Курилович⁵, С. Бернштейн⁶ и др. придерживались того мнения, что в литовском (resp. балтийских) языке и.-е. *s в позиции после *i, u* изменению не подвергся. Авторы этой концепции примеры типа *maišas* считают исключениями и стараются найти иное толкование происхождения *-š-*. Так, чтобы объяснить *-š-* в лит. *maišas*, Я. Эндзелин⁷, например, вместе с и.-е. архетипом *moisos (ср. ст.-слав. *měchъ* и др.-инд. *meśáh*) должен реконструировать также архетип *moiskos (откуда лит. *maišas*): *-sk̂-*, по его мнению, заимствовано из и.-е. архетипа, отражённого в греч. *ἄσχος*

¹ И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911, 51–60 (в дальнейшем — Этюды); Lettische Grammatik, Riga, 1922, 110; Latviešu valodas skaņas un formas, Rīgā, 1938, 46; Über den slavisch-baltischen Reflex von idg. *sk̂*, ZfslPh XVI (1939) 107–115.

² К. Būga, Rinktiniai raštai, III, Vilnius, 1961, 589–590, 823 (в дальнейшем — RR).

³ J. Scheftelowitz, Die verbalen und nominalen *sk̂*- und *sk*-Stämme im Baltisch-Slavischen und Albanischen, KZ LVI (1929) 156–170.

⁴ E. Fraenkel, Die baltischen Sprachen, Heidelberg, 1950, 113; Litauisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg-Göttingen, 1955 tt. s.v. *maišas*.

⁵ J. Kuryłowicz, L'apophonie en indo-européen, Wrocław, 1956, 374.

⁶ С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, Москва, 1961, 161.

⁷ И. Эндзелин, Этюды 58; ZfslPh XVI 115.

„Sack“. К. Буга⁸ лит. *maišas* считал заимствованием из такого языка, в котором и.-е. *s после *i, u* превратился в *š*. Различные мнения высказаны и по поводу происхождения *-š-* в слове *laiškas*⁹.

Это разнообразное объяснение конкретных случаев, иногда диаметрально противоположное, свидетельствует о больших трудностях, с которыми сталкиваются представители данной концепции. Так недоказуемо, например, предположение Я. Эндзелина о том, что и.-е. *moiskos свой гипотетический суффикс *-sk-* получил под влиянием и.-е. архетипа, отражённого в греч. *ἄσχος*. Вряд ли 11 слов типа *maišas*, имеющих точные соответствия в родственных языках, и 3 суффикса можно объяснить заимствованием из других языков.

Некоторые исследователи (Х. Педерсен¹⁰, К. Бругманн¹¹, Г. Арнц¹², А. Вайан¹³ и Я. Отрембский¹⁴) полагали, что и.-е. *s в прабалтийской языковой общности изменился в *š* не только после *k, r*, но и после *i, u*. Такой вывод нередко делался ими на априорном предположении о существовании балто-славянского праязыка (resp. единства): поскольку и.-е. *s после *i, u*, превратился в *ch* (через *š*) в славянских, постольку он должен был в этой же позиции подвергнуться изменению и в балтийских языках. Слабым местом их аргументации является явная недостаточность данных балтийских языков. Правда, Х. Педерсен в 1895 г. предпринял попытку глубже проанализировать соответствующий литовский материал. Он предположил следующую закономерность¹⁵: *š* сохранился после акутированного гласного (ср. *jūšė*), а после циркумфлектированного гласного *š* обратно перешёл в *s* (ср. *saišas*). Но эта закономерность устанавливалась Х. Педерсеном на основании небольшого количества литовских фактов и при дальнейших исследованиях она не подтвердилась: во многих случаях *s* стоял после акутированного гласного (ср. *lysė, klāusia, višulas* и др.), а *š* — после циркумфлектированного (ср. *maišas, aišti, traišti* и др.).

⁸ К. Būga, RR II 285.

⁹ Н. Pedersen, Das indogermanische s im Slavischen, IF V (1895) 79; Н. Petersson, Arische und armenische Studien, Lund, 1920, 91; К. Būga, RR II 284.

¹⁰ Н. Pedersen, IF V 33–87.

¹¹ К. Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, I, 2, Strassburg, 1897, 781.

¹² Н. Arntz, Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Balto-Slawisch, Heidelberg, 1933, 9–10.

¹³ А. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, I, Lyon, 1950, 28 и след.

¹⁴ Я. Отрембский, Славяно-балтийское языковое единство, ВЯ 1954 V 32–34; Gramatyka języka litewskiego, I, Warszawa, 1958, 354.

¹⁵ Н. Pedersen, IF V 77–78.

Другие исследователи были более осторожны. А. Мейе¹⁶, Р. Траутманн¹⁷, В. Пизани¹⁸ и В. Порциг¹⁹ ограничивались констатированием того, что в литовском языке в одних случаях и.-е. *s перешёл в *š*, а в других он представлен согласным *s*.

При наличии таких слов, как *maišas* и *saišas*, в которых *s* других и.-е языков представлен в литовском то как *š*, то как *s*, естественно возникает вопрос: перешёл или не перешёл и.-е. *s в позиции после *i*, *u* в литовском? Для решения этого вопроса немаловажное значение имеет литовский материал, собранный и представленный в наиболее полном объеме, что мы и постараемся сделать в настоящей статье, отнюдь не претендующей на окончательное решение данной проблемы.

Факты, касающиеся вопроса о судьбе и.-е. *s в позиции после *i*, *u* в литовском, можно подразделить на 3 группы²⁰.

1. Слова, представляющие *š* вместо *s* других и.-е. языков:

1. **1α** лит. *maišas* „Sack“, латышск. *māiss* „Sack“, др.-прусск. *moasis* „Blasebalg“ : ст.-слав. *měchъ* „Schlauch“, др.-инд. *meṣāḥ* „Widder, Schafbock“, авест. *maeša-*; лит. *riešutas* и *riešas* „Nuß“, латышск. *riēksts* „Nuß“, др.-прусск. *bucca-reisis* „Buchecker“ : ст.-слав. *o-rěchъ* „Nuß“²¹; лит. *vištà*, латышск. *vista* „Huhn, Henne“ с суффиксом *-tā из *uis-²², Х. Петерссон²³ сопоставил с др.-инд. *viḥ*, *véḥ*, авест. *viš* „Vogel“²⁴.

¹⁶ А. Meillet, Les dialectes indo-européens, Paris, 1922, 85 (первое издание в 1908 г.).

¹⁷ R. Trautmann, Die altpreussischen Sprachdenkmäler, Göttingen, 1910, 169; Baltisch-slavisches Wörterbuch, Göttingen, 1923; см., например, s.v. *maiša-* и *sausa-*, стр. 165 и 250.

¹⁸ V. Pisani, Balto e slavo, StB II (1932) 16.

¹⁹ W. Porzig, Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets, Heidelberg, 1954, 165; к этому В. Порциг замечает: „Das ist das typische Verhalten einer Randzone“.

²⁰ В настоящей статье излагается материал, представленный в словарях Dabartinės lietuvių kalbos žodynas (Vilnius, 1954; в дальнейшем — DLKŽ) и E. Fraenkel, Litauisches etymologisches Wörterbuch (Heidelberg-Göttingen, 1955 ff). Толкование значений слов остается то же, что в словаре Э. Френкеля, а также и в словаре M. Niedermann, A. Senn, F. Brender, Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, Heidelberg, I, 1932; M. Niedermann, A. Senn, A. Salys, Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, II—IV, 1951—1963.

²¹ Относительно *ruošutỹs* см. E. Fraenkel, LEW 731.

²² Данную этимологию К. Буга (RR II 327) отрицал только на том основании, что в литовском и.-е. *s после *i* якобы никогда не превращается в *š*.

²³ H. Petersson, Baltisches und Slavisches, Lund-Leipzig, 1916, 79.

²⁴ Неясной является этимология лит. *kiškà* „Kniekehle“, латышск. *ciska* „Lende“, см. E. Fraenkel, LEW 260; более правдоподобной надо считать ту этимологию, согласно которой (Р. 543) лит. *kiš-kà* и латышск. *cis-ka* с суффиксом *-kà производится от и.-е. корня *keis-/ *kis- (ср. нижнеголл. *hijse*, *hijse* „Muskel, Keule“).

1. 1β лит. *glūšas* „dumm“, *glūšti* „dumm werden“: ст.-слав. *gluchъ* „taub“²⁵; лит. *jūšė* и *jušė* „Fischsuppe, schlechte Suppe“, др.-прусск. *iuse* = лит. *jušė*: ст.-слав. *jucha* „Brühe, Suppe“, др.-инд. *yūṣa*, *yūs* „(Fleisch) brühe“, лат. *iūs* „Brühe, Suppe“; лит. *riáušės* „Tumult, Verwirrung“, *riaūštis* „streiten, zanken“; сопоставление с польск. *ruch* „Bewegung, Unruhe“ свидетельствует о корневом распространителе *-s*²⁶; лит. *pušė* „Blatter“, *pūš-kas* (с суффиксом *-k-*) „Haut-, Gesichtsbläschen“, латышск. *pusks* „Büschel, Troddel“: др.-прусск. *puchnuti* „schwellen“, др.-инд. *pūsyati* „gedeiht“; лит. *kūšys* „Haarbüschel über der weiblichen Scham, weibliche Scham“, *kūškis* „т.с.“ (из **kuš-* с суффиксом *-k-*), латышск. *kūsa*, *kūse* „Schamhaare“: новоперс. *kus* „weibliche Scham“ (относительно новоперс. *-s* ср. новоперс. *must* „Faust“ и авест. *mušti-* „Faust“); лит. *kriáušė* и *kráušė*, латышск. *krausis* „Birn (baum)“, др.-прусск. *crausy* „Birnbaum“: болг. *kruša* „Birne“; слав. *-š-*, возможно, из *-chī-* (ср. ст.-слав. *duša* из **duchia*); вследствие чередования начальных *k-* и *g-* (ср. русск. *груша* и польск. *grusza*) считают заимствованием из каких-то черноморских или каспийских языков; возможно, сюда относится и лит. *plaiūšas*, *plūšas* „(Bast) faser“, если этимология Э. Френкеля LEW 609, связывающая это слово с др.-англ. *fléos*, *flies* „Vlies“ и нем. *Flaus*, *Flausch* (и.-е. корень **pleu-s-*), является верной; но его можно также сопоставить с лит. *pliuošas*, *pliuoštas* „Bastfasern“ и, наконец, с лит. *plėšti* „reißen, zerren“ (из **plē-k-*, ср. др.-верхн.-нем. *flahan* „schinden, die Haut abziehen“).

1. 1γ лит. *rišti* „binden“, латышск. *rist* „binden“, др.-прусск. *perreist* „verbinden“: ст.-слав. *rěšiti* „beschließen“ точно соответствует лит. *raišyti*; привлекаемые сюда формы из других и.-е. языков (лат. *rica* из **vrīca* „Kopftuch“, др.-англ. *wriōn* из **wrihan* „einhüllen, bedecken“) имеют корневой распространитель *-k-*; лит. *aūšti* „tagen, dämmern“, *aušrà* и *ūšra* „Morgenröte“, латышск. *āustra* „Morgendämmerung“, *āust* „tagen“: др.-инд. *uṣāḥ* „Morgenröte“, *uśrā* „Morgenlicht“, авест. *usaiti* „leuchtet auf“, *uśrah-* „Morgenröte“, лат. *aurora* „Morgenröte“, (из **aus-ōsā*); корень **au-s-/*u-s-*; но *austra* (см. стр. 118); лит. *krūšti* „zerstoßen“, *kraušyti* „zertrümmern“, *krušà* „Hagel“, латышск. *krāusēt* „stampfen“: ст.-слав. *krušiti* „zertrümmern“, *krōcha* „Brocken“, греч. *κρούειν* „schlagen“ (из **κρούσειν*); корень **krou-s-/*krou-s-/*kru-s-*; лит. *traūšti* „zerbrechen“, *triūšti* „zerfallen; faulen“,

²⁵ К этому гнезду Э. Френкель (LEW 159) причисляет лит. слово *glusnūs* „gehorsam“, которое на основе значения скорее всего соотносится с *klusnūs* (см. LEW, s. v. *klausyti*) тем более, что чередование глухого и звонкого согласных в литовском языке не представляет большой редкости, ср. К. Вūga, RR I 448; II 104.

²⁶ Относительно *ruđšti* см. E. Fraenkel, LEW 730.

латышск. *traušs* „spröde“, *trust* „faulen“: др.-русск. *truchō* „alt, faul“, русск. *трухнуть* „modern“; корень **treu-s- / *trou-s- / *tru-s-*; сомнительной является этимология лит. *mūšti*; корень **meu- / *mu-*, кроме корневого распространителя *-k-*, представленного в греческих и латинских примерах (*ἀμυκάλαι*, *micrō*), может быть, имел также распространитель *-s-*, который находим в лит. *mūšti* (ср. ещё *maūšti* „brunstig, läufig sein“) и др.-инд. *muṣṭih* „Faust“, авест. *mušti-* „Faust“.

Таким образом, данную подгруппу в основном составляют глаголы. Поэтому надо считаться с возможностью происхождения *š* в особенности в интранзитивных (инхоативных) формах из суффикса настоящего времени *-sk-*, ср., например, *triūša* и *aūšta* из **trus-sk'-* и **aus-sk'-* (относительно *aūšta* ср. др.-инд. *ucchāti* из **us-sk'-é-ti*).

1. 1δ лит. *áiškus*, *éiškus* и *ýškus* „klar, deutlich“: ст.-слав. *jasno* „licht, klar“ из **aisk-no-*; лит. *ýskus* (= *ýškus*) см. стр. 118; лит. *ieškóti* и *ieškoti* „suchen“, латышск. *iēškāt* „lausen“: ст.-слав. *iskati* „suchen“ с итеративным суффиксом *-sk-* из **eis- / *ois-*, ср. др.-инд. *éṣati* „sucht“, авест. *isaiti* „wünscht“; лит. *láiškas* и *laiškas* „Blatt“, латышск. *laiska* „Blatt am Flachsstengel“, др.-прусск. *laisken* (acc.) „Buch“ (из **lois-ko-*): ст.-слав. *listъ* „Blatt“ (из **leis-to-*); лит. *miškas* „Wald, Forst“: греч. *μίσηκος*, *μίσηκος* „Stengel oder Kern von Blättern und Früchten“; лит. *réikšti* „zum Ausdruck bringen“: ст.-слав. *rěsnъ* „wahr“ из **raisk-n-*.

1. 2α суффикс **-us-*:

лит. *kermušė* LKŽ V 613, *kermušė* LEW 243 „wilder Knoblauch“: русск. *черемуха*, польск. *trzemucha* „Bärenlauch“, греч. *κρέμουον*, *κρόμουον* „Zwiebel, Gartenlauch“ (из **kremuso-*); ср. также ирл. *crem* (из **kremo-*); лит. *vėtušas* „alt, bejaht“: ст.-слав. *vetъchъ* „alt (von Dingen)“; рядом с **uetos* „Jahr“ (ср. лат. *vetus*, греч. *ἔτος*) реконструируется и.-е. **uetus-*, **uetuso-* „bejaht“²⁷; в балтийских языках рядом с *-us-* существует его вариант *-s-*, ср. жем. *vėčas* (из **uet-š-*) и латышск. *vecs* „alt“ (из **uet-s-*); лит. *ėpušė*, *epušė* LKŽ II 823 „Espe, Zitterpappel“, латышск. *apse*, др.-прусск. *abse* „Espe“: русск. *осина* (из **ops-īnā*), польск. *osa* (из **opsā*), др.-верхн.-нем. *aspa*, др.-англ. *aesp* (из **ops-* Р. 55); между лит. *ep-uš-ė* и латышск. *ap-s-e* соотношение, скорее всего, такое же, как между лит. *vėtušas* и жем. *vėčas*.

1. 2β суффикс **-istja-*:

лит. *ėriščias* „Lamm“, др.-прусск. *eristian* „Lamm“.

²⁷ P. Persson, IF XXVI 63.

1. 2γ суффикс **-isk-* :

лит. *-iškas*, латышск. *-isks*, др.-прусск. *deiwiškait* „göttlich“, ст.-слав. *mater-ьskъ* „weiblich“, гот. *gud-isks* „göttlich“, лат. *mar-iscus*, греч. *ματρ-ίσκος* и др.

2. Дублетные корни, в которых наряду с *š* появляется также и *s* :

2. 1 *kīšti* „hineinstecken“ (ср. лат. *cūra* из **coisā* „Sorge“²⁸) : *kīsti* (*kīšē*) „zum Trocknen auf die ardaī legen“; Э. Френкель LEW 259–260 полагает, что *kīšti* свой *-š-* имеет из **kis-sk-*, но данное предположение сомнительно в силу транзитивного значения глагола; *blīkšti*, (*blīško*) „weiß, bleich werden“, *blyškēti* „funkeln“ : *bliēksti* (*bliēškē*) „blitzen“ (ср. др.-прусск. *blēskъ* „Glanz“);

plēišké „männlicher Hanf, Staubhanf“ : *plēiskē* „Hautschuppe, Schinn“ (ср. *plēizgēs* „т. с.“), *plēiskana* „т. с.“.

Итак, в эту подгруппу вошли слова с различными оттенками значений, проявляющимися в формах с *š* и с *s*.

2. 2 лит. *raušyti* (*raušē*) известно только из словарей Х. Мильке (*raußau*, ich wühle wie ein Schwein²⁹) и Г. Нессельманна (*kiaules wissq daržq iszrausze*, die Schweine haben den ganzen Garten ausgewühlt)³⁰; Х. Мильке и Г. Нессельманн дают также и форму *rausyti* (с *-s-*); лит. *blūšti*, (*blūšo*) „darytis mieguistam“ LKŽ I 780 наряду с *blūsti*, *blaūstis*; лит. *liaušys* „unbeholfene, linkische Person“ (ср. русск. *люша* „Schmutzfink“) наряду с *liaušius* „т. с.“, см. Būga, RR I 332; формы *blūšti* и *liaušys* известны из наследия И. Юшки; лит. *kāišti* (*kāišē*) „schaben; schnell gehen“, *kuīšintis* „sich kratzen“ : *kuīsti* „kratzen, krauen“; а также *kūišti* „rennen, gehen“ : *kuisiūoti*, *kuisinti* „laufen“, но *kuīsti* (*kuītē*) „schaben“ с распространителем *-t-*.

2. 3 лит. *austrà* LKŽ I 413 рядом с закономерным *auštrà* (см. стр. 116); слово *austrà* (с *-s-*) известно только из Onuškis; лит. *ýskus* LKŽ IV 148 рядом с закономерным *ýškus* (см. стр. 117); *ýskus* известно из местности Lėnas и из сочинений И. Яблонскиса.

Подгруппы 2.2 и 2.3 составляют в основном дублетные корни без какой-либо семантической дифференциации. Слова с *š* являются редкими диалектными словами.

²⁸ Н. Hendriksen, IF LVI 25.

²⁹ Chr. G. Mielcke, Littauisch-deutsches und Deutsch-littauisches Wörterbuch, Königsberg, 1800, 220.

³⁰ G. H. F. Nesselmann, Wörterbuch der Littauischen Sprache, Königsberg, 1851, 433.

3. Слова, содержащие в себе *s*.

3. 1. Переход *s* в *š*, по-видимому, не имел места в словах, существующих рядом с такими, в которых корневой вокализм имеет иной ряд аблаута. Данные слова являются скорее литовскими новообразованиями, возникшими после перехода *s* в *š*:

draĩskalas „Fetzen“, *drĩksti* (*drĩsko*) „zerrissen werden“, *driskà* „Fetzen“, но *draskýti*, *drė̃ksti*; *dṽisti*, *dṽisė̃ti* „zu stinken beginnen, faulen“, но *dvė̃sti*, *dṽasė̃ti*; *g̃isti* (*g̃iso*) „erlöschen“, но *gė̃sti*; *gr̃isti* (*gr̃iso*) „überdrüssig werden“, *grisùs* „überdrüssig“, но *grė̃sti*, *gr̃asinti*; *jūsė̃ti* „gegürtet sein“, но *júosti*, *juosė̃ti*, *juozė̃ti*; *keisė̃tis* „die Hand gegen jemanden erheben“, *keisýtis*, но *kėsė̃ti*, *kėsýtis*; *tr̃isti* (*tr̃iso*) „unruhig werden“, но *trasýti*, *tresiòti*, *trė̃sti* (*trė̃sia*), ср. др.-инд. *trásati*.

3. 2. Следующие слова из-за отсутствия достоверных соответствий в других и.-е. языках следует считать поздними новообразованиями. На позднее возникновение некоторых из них указывает, может быть, также и факт существования производных от того же корня, но с другими суффиксами.

3. 2 α *puĩskoti* „wühlend zerstreuen“; *tvaiskoti* „sich benehmen“ и *tvaiskýti* „weg-, fortwerfen“; данные слова Э. Френкель LEW 1148 оставил без этимологии; может быть, следует сопоставить с лит. *tviė̃ksti* DLKŽ 883 в значении „schlagen, hauen“³¹; *druskà* „Salz“, латышск. *druska* „Brocken“, ср. лит. *drūzgas* и *drūzgas*, *druzgė̃ti*³².

3. 2 β *baisà* „Schrecken“, *baisùs* „schrecklich“ (ср. *bái-m-ė̃*, *bái-l-ė̃*, *bai-d-ýti*); на позднее (т. е. после перехода *s* в *š*) происхождение лит. *baisà* указывает, может быть, и с ним сопоставляемый слав. *běsъ* „Teufel“; в данном славянском слове *s* вместо ожидаемого *ch* объясняется, вероятно, тем, что он возник после перехода и.-е. *s в *ch* в славянском;

kñisti (*kñiso*) „zerwühlen“, *kñaisýti*, латышск. *kñaisīt* (ср. *kniē-t-ė̃*, *knie-t-ė̃ti*); *kr̃eisa* „körperlicher Fehler“, латышск. *kr̃eiss* „link“ (ср. *kreī-v-as*, *kreī-p-ti*, латышск. *kreī-l-is*); *kũistis* (*kũisė̃si*) „sich abmühen, sich

³¹ DLKŽ 266 приводит странную форму *isas* (скорее всего, ошибка); из разговорной речи известна форма *ĩsas* (Dysna, Gervė̃čiai, Linkmenys, Mielagė̃nai, Tverė̃cius, LKŽ III 145) из *insas (ср. название реки *Isė̃* или *Insė̃*), ср. латышск. *ĩss* (из *insas) и др.-прусс. *ĩsan*.

³² Корень **dhru-* в других и.-е. языках распространен различными суффиксами, см. Ф. Френкель, LEW 107; это, по-видимому, указывает на развитие данного слова в отдельных языках.

abplagen“ (ср. *kuī-t-ēsi*); *liesas* „mager, hager“, *liesēti* „mager werden“ (ср. *lie-b-as*, *lai-b-as*, *lei-n-as*)³³; *tausóti* „schonen, sparen“ (ср. *tau-p-ýti*).

3. 3. Согласный *s* находится в суффиксах после корневых *d*, *t*:

-*s*-: *gaisas* (из **gaid-s-*); *šviesà* „Licht“, *šviesùs* „hell, licht“ (из **šveit-sā*, **šveit-s-*, ср. *šviētē*); *jaūsena* и *jūsena* „Empfindungsweise“ (ср. *jaūtē*, *jūto*);

-*sk*-: *vaiskùs* (и *váiskus*) „hell, klar“ (из **vaid-sk-*, ср. *véidas*, *iš-výdo*);

-*sl*-: *krislas* „Splitter, Teilchen“ (ср. *krito*); *pūslē* „Blase“ (ср. *pūtē*);

-*sm*-: *geīsmas* „Begehren, Wunsch“ (из **geid-sm-*, ср. *geidē*); *jaūsmas* „Gefühl, Sinn“ (ср. *jaūtē*); *iesmē* „Holz zum einmaligen Einheizen des Ofens“, авест. *aēsmā* „Brennholz“ из **oidh-sm-*, ср. др.-инд. *inddhé* „entzündet“, греч. *αἴθος* „Brand, Feuer“ и др.;

-*sn*-: *pusnīs* „Schneewehe“ (из **put-sn-*, ср. *pūto*);

-*sr*-: *gaišras* „Lichtschein“ (из **gaid-sr-*, ср. *gaid-rūs*, *giēdras*);

-*st*-: *maīstas* „Nahrung“ (ср. *mīto*, *mait-ino*); *skraīstē* „Tuch, Bedeckung“ (ср. *skriēdē*, *skraidē*); *sviestas* „Butter“ (ср. *sviedē*);

-*sv*-: *laišvas* „frei“, *laisvė* „Freiheit“ (из **laid-sv-*, ср. *léido*, латышск. *lāist* „lassen“); *raūšvas* „rotbraun, rötlich“, *rūšvas* „rotbraun“ (ср. *raūdas*, *raūdo*, *rūdas*, *rūdo*).

Многие примеры, представленные в этой подгруппе, возможно, следует считать образованиями, возникшими, скорее всего, после перехода и.-е. **s* в *š*. Однако некоторые из них, например, *iesmē*, могут быть и древними. Так как хронология исчезновения корневых *d*, *t* перед суффиксальным *s* неясна, то мы не в состоянии сказать, существовало ли во время перехода и.-е. **s* в *š* ещё **eidsmē* или уже имелось **eismē*. На основании того, что превращение и.-е. **s* в *š* в данной форме не имело места, можно было бы предполагать, что во время этого перехода ещё употреблялся *d*. Однако, возможно, что *s* сохранился в силу того, что согласным *s* начинается суффикс, сфера употребления которого шире, так как он употребляется и после других гласных, кроме *i*, *u*, а также после согласных.

3. 4. Следующие суффиксы, содержащие в себе *s* после *i*, *u*, вероятно, имеют позднее (т. е. после перехода *s* в *š*) происхождение:

суффикс превосходной степени *-iaus-* (ср. *ger-iausias*), по-видимому, надо считать довольно поздним образованием, несмотря на то, что Ф. Золмзен³⁴ его сопоставил со слав. *-uchъ*, так как другим балтийским языкам

³³ Сопоставление с др.-англ. *lāes* „weniger“ и русск. *лихой* оспаривается, см. E. Fraenkel, LEW 329; M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, II 48.

³⁴ IF (Anzeiger) XV 225–226.

он неизвестен, а со славянским суффиксом он сильно расходится в значении (ср. слов. *bogātuš* „der Reiche“³⁵);

-yst-: *jaunystà* или *jaunỹstè* „Jugend“; первоначально, вероятно, суффикс был *-st-* (ср. *tekě-stos* „Heirat von der Frau“: *tekě-ti* „heiraten“); поводом для возникновения *-yst-* могли послужить основы на *-y-*, ср. *dalystà* „Teilung“ (: *dalý-ti* „teilen“)³⁶;

суффиксы *-ũst-*, *-uist-* также следует, по-видимому, считать новообразованиями; формы типа *velũstas* могли быть образованы от прилагательных женского рода на *-ũ-* при помощи суффикса *-st-*³⁷; согласно Я. Эндзелину, *-ui-* в суффиксе *-uist-* произошёл из более древнего *-uoi-*³⁸.

3.5. Согласный *s* не подвергся изменению в сочетании *st*, возникшим из **tt* (< **dt* и **tt*):

lèisti „lassen“ (из **leid-ti*, ср. *léido*), *skíesti* „verdünnen“ (ср. *skiedè*), *plũsti* „strömen, fluten“ (ср. *plũdo*); *mĩsti* „sich nähren“ (ср. *mĩto*), *keĩstas* „sonderbar, seltsam“ (из **keit-tas*, ср. *keĩtè*), *siaũsti* „tollen“ (ср. *siaũtè*) и др.

Трудно сказать, существовало ли во время перехода и.-е. **s* в *š* в балтийских языках сочетание *st* (из **tt*). Сохранение согласного *s* после *i*, *u* в сочетании *st* (из **tt*) в иранских языках (ср. авест. *čĩsti-* „Denken“, латышск. *šķĩst* „meinen“ и др.-инд. *cittih* „Denken“³⁹) как будто свидетельствует о том, что превращение и.-е. **s* в *š* происходило раньше перехода **tt* в *st*. Однако, сочетание *st* во время перехода *s* в *š* могло уже существовать, сохраняя свой *s*. Дело в том, что *s* в сочетании *st* как фонеморфологический вариант *t* (ср. *keĩ-t-è* и *keĩ-s-ti*) мог не подвергаться переходу *s* в *š*.

3.6. В следующей подгруппе суффиксы, начинающиеся согласным *s*, стоят несомненно после корневых *i* и *u*:

-s-: *gausà* „reichliche Menge“, *gausùs* „reichlich“, ср. латышск. *gaũss* (ср. *gáu-ti*); *aisùs* „kläglich, traurig“, отсюда *aisúoti* „krächzen“ (Э. Френкель LEW 3 сопоставляет с *ai-mán* „wehe“, *áimana* „Wehruf“); *plūsúoti* „schwenken“ (ср. *plev-énti*, *plev-èsúoti*); *bũsena* „Zustand“ (ср. *bũ-ti*);

-sl-: *eislùs* „schnellfüssig“ (ср. *eĩ-ti*), *gýsla* „Ader“ (ср. *gijà* LEW 150 или *gý-ti* Skardžius ŽD 165);

³⁵ W. Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik, I, Göttingen, 1924, 639.

³⁶ A. Leskien, Die Bildung der Nomina im Litauischen, Leipzig, 1891, 581; K. Būga, RR II 57–58; P. Skardžius, Lietuvių kalbos žodžių daryba, Vilnius, 1941, 368.

³⁷ F. Specht, Die Flexion der *n*-Stämme im Baltisch-Slavischen und Verwandtes, KZ LIX (1932) 219.

³⁸ J. Endzelin, Miscellen, IF XXX (1913) 120.

³⁹ M. Mayrhofer, Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, I, Heidelberg, 1956, 387.

-sn- : *krúsnis* „Haufen, Menge“ (ср. *kráu-ti*, ст.-слав. *kry-ti* „bedecken“), *šúsnis* „Haufen“ (ср. *šústis*, *šūtis*);

-sr- : *pūsras* „verfaultes Holz“ (ср. *pū-ti*), ср. также *pūzras* и *pūzdras*;

-st- : *glaistas* „Kitt“ (ср. *gliē-ti*); *raistas* „Sumpfland“ (ср. *rai-bas*, *raīnas*)⁴⁰; *plānistas* „Fähre“ (ср. *plāuti*); также в *risčīa* „Trab“ (из **ris-st-īā*), *ristas* „hurtig“, **ris-st-nāti* (> *risnóti* „traben“), *raistas* „Brunstzeit (der Biber)“, др.-англ., др.-верхн.-нем. *rīsan* „sich bewegen“; лит. *aistrà* „heftige Leidenschaft“ обычно сопоставляют с греч. οἴστρος, авест. *aēšma-* и др.-инд. *eṣāḥ*; но с точки зрения балтийских языков следовало бы в первую очередь сопоставить с лит. *aitrà* LKŽ I 36 в том же значении;

итеративный суффикс -st-: *saistýti* (ср. *siėti*), *pustýti* „wetzen“ (ср. *pūsti* „anschwellen“);

суффикс будущего времени (ср. *bū-s-iu*);

суффикс действительного причастия прошедшего времени -us- (ср. лит. *mīr-us-i*, ст.-слав. *mьrъši* и др.-инд. *mamrúṣaḥ*).

Существование согласного *s* вместо ожидаемого *š* во всех указанных выше случаях объясняется тем, что суффикс, начинающийся согласным *s*, чаще всего стоял после других гласных, не вызывавших превращения *s* в *š*. Неясным лишь является сохранение *s* в суффиксе -us- причастия (возможно, он сохранился в силу того, что находился перед *j*, ср. **mīr-usjās*).

3. 7. 1. И.-е. **s* во флексии в литовском языке также представлен как *s*. Причина наличия флективного *s* (а не *š*) после *i*, *u* довольно ясна: он поддерживался флективным *s*, находившимся в позиции не после *i*, *u*, ср. им. пад. ед. ч. *avi-s*, *sūnū-s* и *miška-s*; им. пад. мн. ч. *āvu-s*, *sūnū-s* и *žēmē-s*, *sēsere-s*; род. пад. ед. ч. **avei-s*, *sūnai-s* и *marčiō-s*, *sese-rē-s*; окончание местного падежа множественного числа -su: *avi-sū* (ср. др.-инд. *āviṣu* и ст.-слав. *gostьchъ*), *sūnū-sē* (ср. др.-инд. *sūnūṣu* и ст.-слав. *synъchъ*), *tri-sū* (ср. др.-инд. *triṣu* и ст.-слав. *trьchъ*), *dvie-se*, *keturie-se* и *šako-sē*, *miškuo-sē* и др.⁴¹;

jū-s (ср. авест. *yūš*) и *mē-s*; формы *jūsu*, *mūsū* (ср. латышск. *jūsu*, *mūsū* и др.-прусск. *iouson*, *noūson*) являются общебалтийскими; если они образовались до перехода *s* в *š*, то *s* могло сохраниться под влиянием других падежей (*jū-s*, *mē-s* или **jun-s*, **mun-s*).

3. 7. 2. И.-е. **s* в литовском языке представлен *s* в тех словах, которые в древности являлись корневыми именами (Wurzelnomina): *ausis*

⁴⁰ Относительно семантики ср. русск. *багно* „Sumpf“ и *багор* „Purpurfarbe“.

⁴¹ Следует заметить, что в славянских языках, наоборот, имело место обобщение варианта -chъ, ср. ст.-слав. *synъ-chъ* и *žena-chъ* вместо ожидаемого **žena-sъ*.

„Ohr“ (род. мн. *ausũ* указывает на основу на согласный, ср. также греч. οὖς); *mùsè* „Fliege“ (ср. *musũ*)⁴²; *mũsas*, *mùsas* „Schimmel, Kahlm“ (= ст.-слав. *mъchъ*), др.-верх.-нем. *mos* „Moos, Sumpf“ и *mios* „Moos, Mies“ указывают на первоначальную корневую основу (см. Р. 742); лит. *pùsè* „Hälfte“, латышск. *puse* и др.-прусск. *pausan*, *pauson* „Hälfte“ являются, по-видимому, преобразованиями древнего корневого имени, которым, вероятно, объясняется различие в огласовке корня (см. LEW 676). Существование *s* в данных корневых словах вместо ожидаемого *š* следует, может быть, объяснять ассоциацией с флективным *s*, представлявшим окончание им. пад. ед. ч. у других основ, а также воздействием тех корневых имён, у которых *-s-* находился после других гласных (не *i*, *u*) и согласных (ср. им. пад. ед. ч. **žan-s* и род. пад. ед. ч. **žan-s-es*).

3. 8. Существует ряд форм, имеющих соответствия в других родственных языках и содержащих *s* вместо ожидаемого *š*.

3. 8. 1. лит. *ausas* LKŽ I 407 (*áuksas*) „Gold“, др.-прусск. *ausis*: лат. *aurum* (где *r* из *s*); лит. *blusà* „Floh“, латышск. *blusa* „Floh“, др.-прусск. *Blus-kaym*: др.-прусск. *blōcha*; лит. *lŷsè* „Gartenbeet“, др.-прусск. *lyso* „bete“: ст.-слав. *lěcha* „Ackerbeet“ (из **loisā*); лит. *plauskà*, *pliauskà* „(Holz)scheit“ с суффиксом *-k-*: русск. *плюска*, чешск. *plucha* „Hülse“ (из **pleu-s-/*plou-s-*); лит. *usnis* „Distel“: др.-инд. *uṣnāḥ* „heiß, warm“, *óṣati* „brennt“; лит. *viesulas* „Wirbelwind“, латышск. *viēsulis* „т. с.“: др.-прусск. *vichōrō* „Wirbelwind“⁴³; лит. *vīsas* „ganz“, латышск. *vīss* „ganz, all“, др.-прусск. *wissa* „all“ для разрешения данного вопроса ничего не дают, так как в славянских языках вместо законного *ch* имеется *s* (ср. ст.-слав. *vbsb*), а в др.-инд. *vīśu-* вместо ожидаемого *š* находим *ś*⁴⁴.

3. 8. 2. лит. *paisýti* „die Grannen abschlagen, enthülsen“, *pisti* „coire cum femina“, латышск. *pāisīt* „Flachs brechen“: др.-прусск. *pōchati* „stoßen“, др.-инд. *piṣṭāḥ* „gemahlen“, авест. *pišant-* „zerstoßend“; лит. *teisti* „rechtvertigen“, *teisūs* „recht“ (ср. ст.-слав. *tichō* „still, ruhig“); *taisýti* „bereiten, bessern“ (ср. др.-прусск. *těšiti* „trösten“), лит. *iš-tisas* „vollständig“, *pā-tisas* „liegend, waagerecht“, *vien-tisas* „einfach“, а также производные от корня *teis-* лит. *tiēsti* „richten“, *tiesūs* „gerade, recht“, *tiesà* „Recht, Wahrheit“,

⁴² Ср. замечание Э. Френкеля: „Eine lautnachahmende Basis ist allmählich grammatikalisiert und dem idg. Ablautsystem angepasst worden“ (LEW 474).

⁴³ Относительно *vēsulas* см. Е. Френкел, LEW 1243.

⁴⁴ Происхождение лит. *misà* „Bierwürze“ неясно. Если сопоставить его с *miēšti* „mischen“, то, возможно, оно является заимствованием из латышского языка (ср. латышск. *misa* „т. с.“), ср. ME II 635.

латышск. *tiess* „wahr, recht“; лит. *veisti* „durch Fortpflanzung vermehren“, *pa-vaisti* „schwanger werden“, *vaisiùs* „fruchtbar“, *visti* „sich fortpflanzen, vermehren“, латышск. *veist*, *viest* „verbreiten“, др.-прусск. *wēisin* „Frucht“; этимология неясна; сопоставляется то с др.-сканд. *wisir* „Knospe, Keim“, др.-англ. *wīse* „Sproß“, то с греч. ἕλη „Schar, Truppe“, то с лат. *vīs* „Kraft, Stärke“⁴⁵; лит. *daūsos* „Land der Seligen“ (ср. ст.-слав. *duchъ* „Hauch, Geist“), *dūsti* „ersticken, erlöschen“, *dūsas*, *dusulys* „Atemnot“, *dūsūoti* „atmen“, *dūsauti* „seufzen“; лит. *klausyti* „horchen“, *klāusti* „fragen“, латышск. *klāusīt* „hinhorchen“, др.-прусск. *klausiton* „erhören“: ст.-слав. *slušati* „hinhören“, *sluchъ* „Gehör“⁴⁶; лит. *kniaūstis* (*kniaūsėsi*) „herumwühlen, sich vergraben“, латышск. *knausītiēs* „knibbern, knabbern“: греч. κνύειν „kratzen, reiben“; но *kniaūstis* (*kniaũ-t-ėsi*) „т.с.“; лит. *niaūsti* (*niaūsė*) „neigen, beugen“: греч. νεύειν (из **neus-*) и лат. *nuere* „nicken, winken“; лит. *praūsti* (*praūsė*) „(das Gesicht) waschen“, латышск. *praūstiēs* „dicker, grösser werden“ (ср. русск. *прыскаць* „spritzen“): др.-исл. *frýsa* „schnauben“, др.-инд. *pruṣnóti* „spritzt“; по-видимому, звукоподражательного происхождения⁴⁷; лит. *saūsas* „trocken, dürr“, *saūsti*, *sausėti* „trocken werden“, *sausrà* „Trockenheit“, *sūsas* „Krätze, Aussatz“, *sūsti* „räudig werden“, латышск. *saūss*, др.-прусск. *sausai*: др.-слав. *suchъ*, *sušiti*, греч. αῦος (из и.-е. *sausos); лит. *tausytis* „ruhig werden (vom Wind)“, латышск. *tusēt* „keuchen, stöhnen“, др.-прусск. *tusnan* „still“: ст.-слав. *po-tuchnōti* „beschwichtigen, löschen“, др.-инд. *túṣyati* „zufrieden sein, sich beruhigen“; лит. *triūsti* и *trūsti* „arbeiten“, *triūsas* и *trūsas* „mühevollen Arbeit“, может быть, латышск. *trāustiēs* „mühsam steigen, klettern“; с распространителем -*d-* слав. *trudъ* „Mühe, Arbeit“, лат. *trūdere* „treiben“, др.-англ. *bréotan* „ermüden“.

В настоящее время уже невозможно объяснить наличие *s* в каждом конкретном вышеуказанном случае. Возможно, что в некоторых случаях корневой *s* по каким-то причинам мог ассоциироваться с суффиксальным *s* (или раньше даже он как раз и являлся суффиксальным; ср., например, *vie-s-ulas* при *vě-jas* и *vě-tra*). Так, например, *-snis* в слове *usnis* мог ассоциироваться с суффиксом *-snis* в таких словах как *pusnis* (см. 3. 3) и *šūsnis* (см. 3. 6). Элемент *-sa* в словах *blusà*, *tiesà*, *dausà*, *klausà* и *lysa (ср. др.-прусск. *lyso*) мог ассоциироваться с суффиксом *-sa* (ср. *gau-sà*,

⁴⁵ См. Е. Фраенкел, LEW 1214.

⁴⁶ Соответствия в родственных языках см. Е. Фраенкел, LEW 265 — 266.

⁴⁷ Ср. замечание М. Майргофера: „Idg. **prus-* „schnauben, bespritzen, beträufeln“ ist eine lautnachahmende Wurzel, deren Form immer wieder neu hergestellt werden konnte“ (М. Мауrhofer, Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, II 381).

švie-sà, tam-sà и др. наряду с *gáu-ti, šviē-tē, tēmo*). Элемент *-sas* в словах *visas, saūsas, *teīsas* (= латышск. *teiss*), *sūsas, triūsas* мог ассоциироваться с суффиксом *-sas* (ср. **kreī-sas* = латышск. *kreiss, gaū-sas, gāi-sas, bal-sas* наряду с *kreī-vas, gáu-ti, giē-dras, bīl-ti*). Ассоциированию с суффиксом *-sas* могло содействовать чередование гласных в корне (ср. *saūsas* и *sūsas*), так как у данных слов, имеющих особенно развитую склонность к деривации, при чередовании гласных как будто выделяются два компонента: первый (ср. *sau-* и *su-*), представляющий собой изменяемую часть слова, и второй (ср. *-sas*) — являющийся неизменяемой, а неизменяемой частью слова как раз и является суффикс. В то же время явление этого рода не могло касаться изолированных в деривационном отношении слов (типа *maīšas*). Процесс ассоциирования мог протекать очень непоследовательно, поэтому и могли возникнуть дублетные корни, содержащие как *s*, так и *š* (тип *liaūsius* и *liaušys*).

С другой стороны, *s* после *i, u* мог не подвергаться изменению в *š* перед некоторыми согласными, как это имело место в славянских языках⁴⁸. Например, *s* мог сохраниться в словах *triū-sia, *teu-sjas* (: *tausýtis*), *praī-sia, niaū-sia, kniaū-sia-s, kláu-sia, veī-sia, teī-sia, *pei-sja* (: *paisýti*) либо в силу того, что он находился перед *j*, либо потому, что здесь имело место воздействие со стороны таких глаголов, как *tē-sia, tuř-sia, grē-sia* и др., в которых элемент **-sja* находился после согласных и других гласных (не *i, u*).

В последнее время в фонологической литературе высказано довольно аргументированное предположение о том, что в индо-иранских и славянских языках изменение *s* после *i, u, k, r* было системно связано с изменением индоевропейского палатального **k̂* в сибилант⁴⁹. Специфику литовского языка в данном случае составляет то, что рефлекс и.-е. **s* после *i, u, k, r* и рефлекс индоевропейского палатального **k̂* совпали, в то время, например, в древнеиндийском *ś* (из **s* после *i, u*) и *ś* (из **k̂*) являются различными фонемами (тоже и в славянских языках). По-видимому, данное обстоятельство в литовском языке сыграло большую роль. Вышеизложенные факты красноречиво говорят о том, что во всех тех случаях, где фонетический переход *s* в *š* мог затронуть морфологическую или образовательную характеристику слова, сохранилась фонема

⁴⁸ Из последних работ см. С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, 160—165.

⁴⁹ J. Kuryłowicz, L'apophonie en indoeuropéen, Wrocław, 1956, 372—375; А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях, Москва, 1960, 241; Вяч. В. Иванов, Проблема языков centum и satem, ВЯ 1958 IV 17.

s, а *s* превратился в *š* лишь в словах, являющихся в деривационном отношении изолированными. На основании этих данных можно полагать, что в литовском языке переход и.-е. **k̂* в *š* и переход **s* в *š* после *i, u* были одновременными. Возможно, что *š* (из **s*) никогда не был комбинаторным вариантом фонемы *s*, а с самого начала момента возникновения он явился фонемой *š* ввиду того, что и.-е. **k̂* тоже превратился в *š**.

Итак, анализ материала позволяет прийти к следующим выводам:

а) и.-е. **s* после *i, u* в литовском языке превратился в *š* в изолированных в деривационном отношении словах (тип *maĩšas*);

в) в тех случаях, где фонетический переход *s* в *š* должен был затронуть морфологическую или образовательную характеристику слова, сохранилась после *i, u* фонема *s*;

с) *s* в случаях типа *saĩsas* по каким-то причинам (возможно, в силу чередования гласных в корне) мог ассоциироваться с суффиксальным *s* (ср. **gaũ-sas* $\leq$ *gaus̃s* наряду с *gáu-ti*); возможно также, что превращение *s* в *š* после *i, u* не имело места перед некоторыми согласными;

д) рефлекс и.-е. **s* после *i, u, r, k* и рефлекс и.-е. палатального **k̂* в литовском языке совпали в фонему *š*, поэтому можно предполагать, что превращение и.-е. **s* после *i, u, r, k* и изменение и.-е. **k̂* были системно взаимосвязанными процессами.

CONCERNING THE IE **s* AFTER *i, u* IN THE LITHUANIAN LANGUAGE

(Summary)

The analysis of Lithuanian language material allows us to assume that the IE **s* following *i, u* has changed into the phoneme *š* in words isolated regarding their derivation (type *maĩšas*). When the phonetical change of the IE **s* was to have affected the morphological or derivative characteristics of a word, the phoneme *s* which followed *i, u* remained unchanged. In the words of the type *saĩsas* the phoneme *s*, for certain reasons (probably, on account of vowel interchange), might have become associated with *s* that occurred in suffixes (cf. **gaũ-sas* $\leq$ *gaus̃s* beside *gáu-ti*). Besides, it is possible that the IE **s* did not develop into *š* before some consonants. The reflex of the IE **s* after *i, u, r, k* and that of the IE palatal **k̂* were the phoneme *š*; consequently, we may assume that these changes in Lithuanian were processes structurally linked together.

---

* Автор настоящей статьи выражает благодарность доц. И. Казлаускасу за высказанные им ценные замечания.